

Е. В. Развозжаева

Франция в дневниках и заметках русских путешественников конца XIX – начала XX вв.

Рубеж XIX–XX вв. — период сближения Франции и России, которое было обусловлено, с одной стороны, взаимным экономическим интересом, а с другой — продиктовано новой расстановкой сил на политической карте Европы. Возникает благоприятный контекст для более интенсивного русско-французского взаимодействия на уровне культуры, в сознании русских людей вырабатывается образ Парижа как центра наиболее цивилизованной европейской страны эпохи. В этот период Франция становится самой популярной страной среди туристов. Поездка в эту страну должна была свидетельствовать как о состоятельности, так и об уровне культуры путешественника. К тому же, по сравнению с Россией, Германией и Австро-Венгрией, во Франции повседневная жизнь была более свободной от полицейского надзора, а по сравнению с Англией — более дешевой, что являлось дополнительными факторами популярности страны среди российских туристов. Наконец, самым распространенным иностранным языком, который изучался в России, был французский.

Как следует из французской прессы, в конце 1880-х гг. русская колония в Париже состояла из представителей аристократии, студентов, политических деятелей¹, значительная часть которых — путешествовавшие по Европе и осевшие во Франции русские. Посетившие Францию оставили свидетельства и впечатления от увиденного в форме путевых заметок, дневников, воспоминаний, эссе. Сохранились записи лиц из аристократических и буржуазных кругов, разночинной интеллиген-

Развозжаева

Елена Валерьевна,

кандидат исторических наук, корреспондент газеты «Невское время» (Париж, Франция)

ции, студентов, восприятие которыми Франции хотя и было различным, но содержало при этом много общего, и прежде всего, взгляд русского человека на Европу начала XX в. и неизбежное сравнение с Россией.

Интересные свидетельства из истории путешествий русских во Францию содержит дневник Николая Федоровича Фан-дер-Флита (1840–1896). Автор дневника имел отношение к развитию путей сообщения в России и обращал особое внимание на развитие транспортной инфраструктуры в Западной Европе. Его отец работал в Министерстве финансов, а сам Н. Ф. Фан-дер-Флит возглавлял Одесское отделение Русского общества пароходства и торговли. В 1889 г. он совершает поездку в Париж на Всемирную выставку. В своих заметках Фан-дер-Флит показывает себя очень хозяйственным и здравомыслящим человеком, обращающим внимание на качество обслуживания населения в Париже, будь то транспорт или гостиница. Движение на улицах города «ошеломляет» и «поражает» Фан-дер-Флита; тем не менее, от его внимания не ускользают детали: «Там кучера ловкие..., многие улицы мощены деревянными торцами (кирпичинами на ребро), некоторые асфальтом... Раскатывающие тяжелые omnibusы и телеги, ...не то что в Сибири, где это дело и годами не улучшается, а ухудшается»².

После трехчасового посещения выставки, кроме восторженного описания «башни Эйфеля» — «гвоздя выставки», автор замечает: «Любопытно вычислить стоимость всех выставочных сооружений и выставочных предметов!»³ Главными отделами выставки, привлекающими внимание хозяйственника и управляющего пароходным обществом Фан-дер-Флита, стали «Панорама флота Трансатлантической компании», «Выставка планов портов Франции» и «Сельскохозяйственный отдел выставки». Про русских на сельскохозяйственной выставке автор пишет с негодованием и сожалением: «Всего в изобилии и выставлено роскошно и со вкусом (champagne), что нельзя сказать про часть Русского отдела, где хорошо выставляются Нобель и Ротшильд (нефть), а то > водки. Сторож в колпаке из собачьего меха, долженствующий изображать Русский головной убор?!»⁴

Множество подробных описаний Международной выставки 1900 г. содержат «Туркестанские воспоминания» Варвары Духовской. Стилистическая гармония текста указывает на то, что в основе воспоминаний лежали путевые заметки, которые были впоследствии отредактированы; они дают представление о том, как путешествовала в Париж русская аристократия. В. Духовская предприняла эту поездку вместе с мужем, с 1897 г. — генерал-губернатором Туркестанского края, чья территория равнялась в это время примерно территории двух Франций. Семья Духовских ехала на курорт Киссинген, а до этого решила совершить «увеселительную прогулку» на Парижскую выставку: «Главной целью нашей поездки туда было посещение Средне-Азиатского отдела выставки. Очень трудно было достать железнодорожные билеты, потому что в это время вообще начинается прилив туристов за границу, а в этом году, благодаря выставке, больше чем когда-либо»⁵.

Состоятельная семья Духовских сняла в Париже, рядом с выставкой, виллу "Violetta" в районе Пасси: «Это самая спокойная часть Парижа, здесь живут богатые "rentiers" и люди, не любящие городского шума. Вилла наша окружена аристократическими пансионами и религиозными лицами. Всюду царит благонравие и тишина. В 7 часов вечера все ворота запираются на нашей улице. Оказывается, что и в Париже можно найти такие же спокойные уголки, как в любом провинциальном захолустье нашей обширной матушки России. Между тем, мы находимся очень близко от выставки»⁶. «Устроились мы очень удобно, в отдаленном павильоне из семи комнат, окруженном садиком; правда, что в нем всего лишь десяток деревьев, но для Парижа и этого много. В ожидании большой жары, мы расставили в садике бухарскую палатку, в которой пробовали несколько раз завтракать, но это лето оказалось очень холодное, пришлось даже топить камины. Муж выписал из Петербурга своего бывшего денщика Станислава. Поразительно, что этот крестьянин Седлецкой губернии, не зная ни одного иностранного слова, сумел проехать из Петербурга в Париж, в третьем классе, в поездах, где приходилось бесконечное число раз пересаживаться»⁷.

В. Духовская в деталях описывает павильоны Европейской России и «Русской Индии». Последняя обозначала Сибирь и Кавказ. От взгляда путешественницы, однако, не ускользали и недостатки организации русского представительства: она рассказывает, что устройство колоколов на башнях Кремля русского павильона, как и электрическое освещение русского отдела, стоили больших денег, хотя колокола били только один раз, а освещение включали иногда только для знакомых, потому что оно, оказалось, не соответствовало правилам пожарной безопасности⁸. Посещению выставки уделялось все дневное время путешественников, поэтому Духовская в своих заметках рассказывала обо всех самых ярких достопримечательностях выставки: о «движущемся тротуаре»; многочисленных панорамах, позволяющих совершить «поездки» по Франции, по Транссибирской магистрали, подняться на Монблан; об особенностях национальных павильонов, например о «швейцарской деревне», о «Старом Париже», французском «Дворце Женщины» и т. д.

Вечерами семья Духовских посещала театры, в том числе театр Сары Бернар и артистическое кабаре "Le Chat Noir", находившееся на Монмартре. Эти записки еще раз свидетельствуют о перемещении к 1900 г. туристического центра Парижа с Пале Руаяль на Монмартр.

Примером женских дневниковых заметок может также служить «Дневник русской женщины» Елизаветы Дьяковой⁹ или, как она писала, «журнал одной из многих» девушек, которые, окончив гимназию, отправились продолжать образование за границу. Дневник был опубликован через три года после самоубийства Е. Дьяковой в Париже в 1902 г. из-за несчастной любви и постоянной русской хандры. Публикация ее дневника означает, что предварительно он был отредактирован. Действительно, несмотря на регулярные отметки о датах записей, стиль дневника — литературный. Здесь любопытен

взгляд русской студентки, которая, отправившись изучать в Сорбонне право, описала некоторые стороны повседневной французской жизни, казавшиеся ей, как русской, удивительными. Источник интересен в большей степени с точки зрения истории русского менталитета, а не истории быта. Из сюжетов о французской жизни и ее аспектах, важных для русских, в дневнике Е. Дьяковой можно выделить три главных: мода, студенческая жизнь и врачи в Париже.

Франция — страна моды, и девушка часто делала записи в своем дневнике о магазинах и нарядах парижанок. Дом моды «Raquin» она описывает следующими словами: «И от этой пестрой, почти фантастической картины кружилась голова... Эта ослепительная красота роскоши, блеск, изящество гипнотизировали взгляд и властно притягивали к себе... Заказчицы подходили и выбирали, а надзирательница звала свободную примеряльщицу, надевала на нее платье, и живая модная картинка начинала прохаживаться взад и вперед..., а дамы сидели и следили, соображая, оценивая эффект костюма»¹⁰. Модные магазины были одним из самых притягательных мест для русских дам, их посещение входило в программу любой русской туристки. Тетя Е. Дьяковой регулярно заказывала себе обновки от французских кутюрье, главными из которых в эту эпоху считались Чарльз Ворт, Жанна Пакэн и Жак Дусэ.

О студенческой жизни Е. Дьякова писала часто, но каждый раз понемногу: приехав в Париж учиться, занятия, тем не менее, она посещала очень редко — ей не нравились ни французские студенты, ни французские преподаватели Коллеж де Франс: «И как там скучно! Студенты юристы должно быть во всех странах мира одинаковы: нигде, ни на одном другом факультете нет такого наплыва богатых, ограниченных и праздных буржуа. Французское студенчество не то, что русское: почти сплошь буржуазное. Все они хорошо одеты, получая от 150–200 фр. в месяц, искренно считают себя небогатыми людьми»¹¹.

Поскольку девушка считала себя больной, постоянно испытывала приступы депрессии, она часто ходила к врачам. Ее дневник, таким образом, содержит интересные свидетельства о системе здравоохранения в Париже. Однако в большей мере «Дневник русской женщины» отражает «русскость» автора, которую можно проследить по суждениям провинциальной Е. Дьяковой (она родом из Ярославля) о французах. Во французском поведении она всегда видит фальшь, лицемерие, поэтому чувствует себя очень одиноко. Французы же считают ее одиночество надуманным. Так, отправляясь в очередной раз к врачу, девушка говорит ему о том, что ей больше не хочется жить, на что врач-француз отвечает: «Я ожидал, что вы это скажете. Вы, славянская раса, слишком чувствительны, мистичны, скажу даже — иногда слишком экзальтированы. К чему думать о самоубийстве? ...Чтобы жить в этом мире, надо иметь цель»¹². В своих записках Е. Дьякова предстает трогательной, грустной, иногда провинциальной русской студенткой, ищущей смысл жизни в Париже и не находящей его.

Чем ниже был социальный статус путешественников, тем более детальными были описания бытовых условий в их путевых заметках. А. Д. Топоров (1851–1927 гг.), продавец книг, в 1894 г. поехал из Москвы со своим другом И. К. Ивановым и с дочерью Е. А. Топоровой в Париж, и описал в своих заметках каждый этап организации и детали поездки. Его заметки составляют только 5 листов, но они уникальны по своей информативности, по форме напоминая отчет о путешествии. Вот как автор описывает подготовку к поездке: «На дорогу решили взять: я вино и мясную провизию (5 р.), и Иванов водку и рыбную; этого запаса нашего хватило до самого Люцерна, а балык кончили даже только в Париже»¹³. Подробные описания автор оставляет и о сборе всех официальных бумаг для выезда за границу, и о передвижении на поезде. Например, о дороге до Варшавы он пишет: «Билеты от Москвы до Варшавы стоят 17 р. 62 к. с человека в 3 класс. Имея с собою закуски, мы завтракали в Смоленске (1 р. 30 к.), и в Лукове (1 р.), а кофе пили в Бресте (70 к.), вот почти весь расход до Варшавы, если не считать расход в 70 к. в Ново-Минске, на коньяк, как ответ на предложенный одним спутником (О. Глазер, комиссионер из Лодзи) стакан скверного пива; коньяк же был у Пани Анны (художницы) настоящий Martel»¹⁴. Записи подобного рода, с перечислением потраченных сумм на бытовые нужды в путешествии, в путевых заметках встречаются чаще, чем в воспоминаниях, и позволяют не только проследить все детали поездки русского туриста в Париж, но и составить достаточно точное представление о ее финансовом аспекте.

К пространственным дневниковым записям о путешествии в Париж, позднее подвергшимся авторской редакторской правке, относятся воспоминания А. И. Знаменского, Н. П. Анциферова и О. В. Синакевич.

Путевые «Записки туриста. Париж. Рим» А. И. Знаменского были опубликованы в Минске в 1904 г., но нам почти ничего не известно об авторе, кроме того, что он был выходцем из состоятельных кругов русского общества. Его путешествие состоялось в 1901 г.

Воспоминания «Путь моей жизни» Николая Павловича Анциферова (1889–1958 гг.), знаменитого историка искусства, были написаны в 1940-х гг., но включенный в них сюжет о поездке в Париж в 1911 г. составлен на основе его путевых заметок, что прослеживается по сохранившимся рукописям¹⁵. Воспоминания написаны образованным человеком, и в основном в них воссоздается образ Парижа через описание достопримечательностей города. Бытовые детали здесь отсеиваются как суетные воспоминания, и их отсутствие часто компенсируется «более глубокими» заметками о менталитете французов, идеях, распространенных в описываемую эпоху, и поведенческих особенностях того или иного народа (в данном случае — русских и французов).

Дневники Ольги Викторовны Синакевич (1876–1959 гг.) «Жили-были»¹⁶ являют собой богатый исторический источник. О. В. Синакевич, педагог из Санкт-Петербурга, совершила первое путешествие за границу в 1914 г., накануне Первой мировой войны. Ее дневник

не только подробно описывает каждый день путешествия, к нему также прикреплены билеты на поезд и на пароход, билеты в театр, в парижское метро, открытки. Дневник не опубликован, но сохранились две его редакции, из которых первоначальная — более полная.

Эти различные по типу и по времени написания заметки содержат, тем не менее, несколько общих тем, определяя самые распространенные сюжеты в описаниях русскими путешественниками своих поездок в Париж в начале XX в.

Во всех трех текстах путешественники предваряют описания Франции сообщениями о том, что едут туда через Германию или же Австро-Венгрию, оставляя в дневниках свои впечатления об этих странах. Натянутые в то время отношения России и Франции с Германией нашли отражение в этих описаниях. В записках Н. П. Анциферова сложно определить, так ли он воспринимал немцев в 1911 г., или фразы о вере в немецкую расу, о «враждебном» Берлине он записал позже, имея в виду опыт двух мировых войн с Германией. О Берлине: «Почти враждебный... Его чистота производила впечатление бездушности. Его художественные богатства казались временными гостями в этом чужом для них городе»¹⁷. О службе в Кёльнском соборе: «В соборе проповедник призывает верить в немецкую расу, как Иисус Новин верил в Обетованную землю Нового Израиля»¹⁸. В записках А. И. Знаменского мрачные впечатления от Германии даны на фоне описания Франции: «Какой контраст этого живописного пейзажа с пейзажем Германии, где угрюмые каменные строения сел кажутся бесформенными, тяжелыми кубами. Здесь все нарядно, все красиво...»¹⁹

По прибытии в Париж путешественники обращают внимание на уровень развития туристического обслуживания, гостиницы, рестораны, магазины. А. И. Знаменский поселяется в отеле «Лувр» — одном из самых известных и престижных в Париже, в котором часто останавливались представители русской буржуазии и аристократии. Отель он описывает так: «К экипажу приблизился элегантно одетый в фирменный сюртук с ясными (так в тексте. — Е. Р.) пуговицами портье и поклонился, сняв форменное же кепи. Узнав, что я русский, он, к изумлению моему, заговорил по-русски, впрочем, сильно картавя и перевирая слова... Этаж меня не смущал: подъемная машина была к моим услугам каждую минуту... Прекрасный стильный камин и бронзовые часы во вкусе *empire* украшали небольшую комнату, которую я занял. Окно с маленьким балконом выходило на улицу Риволи, по которой шло непрерывное движение экипажей и пешеходов. Электрическое освещение и телефон, заменявший обычный звонок к прислуге, довершали комфорт»²⁰. Н. П. Анциферов жил «в известном среди эмигрантов-революционеров пансионе М-м Жеан. Комнаты нам отвели в соседнем переулке Леопольд-Робер, а столовались мы в главном здании на бульваре Монпарнас. Действительно в пансионе было много русских и среди них Вера Николаевна Фигнер»²¹.

В описаниях ресторанов преобладало внимание к французскому меню: «Красивый ресторан блистал электрическими огнями и туалетами дам. Было приятно обедать в таком избранном обществе. Обед состоял из многих блюд, среди которых видное место

занимала зелень. Вино подавали к обеду бесплатно»²². Н. П. Анциферов описывает «традиционный французский обед»: «с «легюмами», рыбой, дичью, десертом, сыром и вином (vin compris)»²³. О. В. Синакевич также сообщает, что в Париже существует «специальная экскурсионная столовая», где питание дешевле, по талонам (приводит цены): «все столики в ресторане на rue du Vas заняты русскими провинциального типа, хорошо знакомыми по учительским съездам и курсам»²⁴.

Интересны рассказы русских туристов об экскурсиях. Кроме профессиональных экскурсоводов, роль последних часто исполняли смотрители того или иного музея или памятника, а иногда и непрофессиональные экскурсоводы. О. В. Синакевич рассказывает о негативном отношении к экскурсоводам русских туристов. Последние в своих заметках часто противопоставляли себя толпе, и если организованная экскурсия предполагала наличие группы, то русские туристы, члены этой группы, всегда высказывали свое недовольство. Экскурсовода, уточняет О. В. Синакевич, называют «руководитель», и хотя эти «руководители» были профессиональными историками, экскурсанты их не уважали: «Экскурсанты слушали угрюмо — “вздумали, дескать, учить нас истории, сами — не какие-нибудь...”, и искали случая придраться, чтобы доказать свою ученость. Придирались, ловили на слове, мелочно и с непонятым недоброжелательством. А экскурсантки, сами, очевидно, уж вовсе не компетентные, с торжеством подхватывали каждое замечание и передавали его из уст в уста, прибавляя при этом, что руководитель “оскандалился” и что “наши историки его поставили на место”»²⁵. И далее: «Здесь (в *Maine Hôtel'e*) постоянно находятся одновременно две группы: одна уезжает, другая приезжает ей на смену. Сегодня вечером ждем новую: это будет уже четвертая для меня, а так как в каждой свыше 50-ти человек, то, значит, я перевидаю свыше 200 русских, собранных из самых отдаленных углов России»²⁶. Критикует экскурсовода и А. И. Знаменский: «В Пантеоне экскурсовод — сторож, у гробницы Вольтера... вновь распространился о заслугах того, кто был под гробницей, хотя в этом разъяснении никто не нуждался»²⁷.

В списке главных достопримечательностей Парижа, которые полагалось посетить, были Собор Парижской Богоматери, Лувр, Пантеон и Дом Инвалидов. А. И. Знаменский пишет о Лувре, в котором проводит целый день: «В Лувре воплотился в совершенстве тот безмерный, богатырский размах, который характеризует Париж вообще... Выйдя из Лувра и вернувшись домой, я почувствовал, что будто приобрел для своего мирозерцания нечто огромное... Ни один музей мира так не подавляет, как Лувр, сокровища его прямо бесценны»²⁸. Но особенно сильное впечатление на путешественников произвело увиденное в Пантеоне, для них это был храм без Бога. Описания отражают глубоко религиозный характер русского сознания. Так, А. И. Знаменский: «Какая пустота. Да, это опустошенный храм, — дар Божий, из которого гордый разум человека изгнал Бога. Здесь была церковь св. Женевьевы, покровительницы Парижа, но Париж лишил свою заступ-

ницу et прекрасного храма... В первый раз в жизни я видел храм и не ощущал в нем Бога. Жутко и уныло становилось на душе, и эту пустоту не могли заполнить прекрасные фрески, которыми теперь расписывается Пантеон»²⁹. «Тягостное впечатление» от Пантеона осталось и у О. В. Синакевич: «Это грандиозное сооружение не одухотворено никакой единой мыслью, это пустая, мертвая казарма, наполненная различными произведениями искусства, различными по характеру, по настроению, по манере... Бог изгнан из Пантеона»³⁰. О Доме Инвалидов суждения также скептические — Н. П. Анциферов пишет: «...величав и холоден, как все, что связано с окружением Наполеона... Культ Наполеона не иссяк у французов»³¹.

Туристическая программа русского путешественника на рубеже XIX–XX вв. была очень насыщена: в нее входило посещение всех главных парков и площадей Парижа, центральных музеев. Стоит отметить, что часто путеводители советовали побывать в административных учреждениях города и его учебных заведениях. Так, в Люксембургском дворце посещали Сенат, в программу осмотра города часто входили Сорбонна и Палата депутатов — Национальная Ассамблея, а также пригороды Парижа — Фонтенбло, Версаль, Сен-Клу, Севр.

Большое впечатление на путешественников производили парижские бульвары. Все путеводители и публицисты конца XIX в. называли бульвары сердцем Парижа, туристическим центром города, всегда заполненными людьми и разного вида повозками. Описания бульваров А. И. Знаменским и О. В. Синакевич составлены под сильным влиянием стереотипного представления о бульварах, которое они получали из путеводителей, и подтверждение которому старались находить при их посещении.

На втором месте в списке развлечений и отдыха в Париже, после пеших прогулок по паркам и бульварам, стояли театры. А. И. Знаменский, например, побывал в Театре Французской комедии, в Опере и театре марионеток, о котором заметил: «Меня поразила удивительная ловкость, с которою действовали куклы. Наши "Петрушки" в балаганах, в сравнении с ними, так же грубы, как груб мужик, в сравнении с городским обывателем». И далее о посещении Оперы: «Балет в "Вальпургиевой ночи" также блестящ, хотя в техническом смысле петербургский балет, может быть, и выше... Публика изящно одета и воспитана, у автора боковое мягкое сидение выскочило из шарнир, и никто не посмеялся над этим, как бы это сделали в Петербурге»³².

Еще одной достаточно стереотипной характеристикой Парижа были кафе. О них упоминали как о самом типичном месте, где парижане проводили огромное количество времени. Описания кафе как подобных мест развлечений мы находим только в записках А. И. Знаменского — еще один признак того, как усердно он следовал всем указаниям своих путеводителей. Кафе-шантаны и кабаре с 1900 г. начинают приобретать все большую популярность среди парижан и иностранцев, постепенно формируя еще один образ

Парижа — «пикантного» города развлечений сомнительного характера, которые начинают привлекать сюда еще больше гостей.

Русские путешественники часто писали о положении рабочих во Франции, об их характере и поведении, поскольку в начале XX в. «рабочий вопрос» был актуален для русских туристов, в большинстве своем разночинцев. О. В. Синакевич относится к ним как к равным себе по социальному статусу. А. И. Знаменский, как состоятельный человек, с презрением описывает рабочие кварталы; он, в частности, так пишет о рабочих районах на границе Монмартра: «Я стал попадать в какие-то притоны, наполненные рабочим людом, где солдаты, блузники и дурно одетые женщины распевали песни, подозрительные куплетисты горланили вздор на политические темы, где все пахло грубым весельем, рассчитано было на грубые вкусы... Не тут ли зарождались идеи революции Франции, не отсюда ли начинался страшный поток, от которого рушились императорские троны прекрасной страны»³³. Н. П. Анциферов, который называет рабочих «блузниками» (они носили синие блузы), рассказывает, что все рабочие настроены «германофобски» и часто ведут споры об антисемитизме³⁴.

Главной национальной чертой французов, которую отмечали все русские путешественники в своих записках, была их веселость. Она всегда выступала антитезой русской загадочности и грусти. Самым ярким выражением этой черты французского национального характера был праздник. Если путешественники присутствовали на таком событии в Париже, они всегда описывали его через призму «веселья парижской толпы». Н. П. Анциферов так пишет о карнавале Микарем (середина Великого поста), когда происходит выбор королевы красоты: «Массы парижан, одетых в домино и в масках скользили по мостовым в милых и веселых ритмах. Разноцветные конфетти летают в воздухе, как хлопья густо падающего снега. Змеи серпантина взлетают вверх и падают, обвиняя веселящиеся толпы. Но вот показалась конница, отряд кирасиров с шашками наголо. За ними в великолепном ландо — королева королев в короне, в пурпурном плаще, подбитом соболем, с королевской лентой, звездой, с пышным букетом. А рядом с ней — мэр города, в высоком цилиндре, с красной лентой на груди и красным значком ордена почетного легиона... Парижанин не менее римлянина любит зрелища, но хочет быть активным участником их, он сам хочет играть и развлекаться, как ребенок, хотя бы совершенно бессмысленно»³⁵. Праздник 14 июля, День взятия Бастилии, описывает О. В. Синакевич: «...в этой густой и пестрой толпе, так непринужденно и искренно веселящейся, царит такой образцовый порядок, что матерям и в голову не приходит бояться, когда они с детской колясочкой пробирются в общем людском потоке или проходят с ребенком а руках, что их могут затолкать или обидеть. За весь вечер мы не встретили ни одного пьяного, нигде не видали толкотни или давки, хотя были в разнообразных частях города... Толпа представляла собою смесь всех элементов населения, объединенных общей радостью. Это была не публика, это был

народ — в полном смысле этого слова, и народ этот был виновником сегодняшнего торжества, но держал себя именинником, единственным хозяином праздника. Казалось, весь город от мала до велика высыпал в этот вечер из своих жилищ и наводнил собою улицы и площади, чтобы, подобно многим предшествовавшим поколениям, пережить в этот исторический день радость общения в условиях свободы, равенства и братства»³⁶.

Сюжет, неизбежно присутствующий в записях путешественников, — отношение французов к русским, которое никак не изменил франко-русский союз. Из дневников следует, что французы продолжали относиться к русским с недоверием и ассоциировать их либо с «князьями», либо с «варварским мужичеством», что вступало в прямое противоречие с официальной пропагандой «сердечного союза» между Францией и Россией конца XIX – начала XX в. Так, Н. П. Анциферов вспоминает о празднике 1 мая и реакции полицейских: «Вы иностранцы — прекрасно. В Москву. Путь свободен!» Что же это? Думал я потрясенный. Всюду надписи: *Liberté, Egalité, Fraternité*, а бьют, как у нас на Казанской площади»³⁷. И о другой ситуации: «Турки, арабы и арапы. Смесь племен. В нас узнали русских. Окружили. Целый хоровод пропел насмешливую песню»³⁸. В анонимных путевых заметках о поездке в Париж в 1892 г. киевского студента, которые полны характерных «туристических» описаний, только стереотип об отношении к русским со стороны немцев и французов не подтверждается. Автор пишет, что заблуждался, думая: «немцы, когда узнают, что я русский, снимут с меня шкуру, а французы отдадут душу. Впоследствии я разубедился в том и в другом»³⁹.

До сих пор речь шла о путевых заметках и дневниках. Отдельный интерес представляют воспоминания русских путешественников, как аристократических кругов, так и студентов, будущих политических деятелей.

Воспоминания аристократии представлены записками В. С. Кривенко «В министерстве двора»⁴⁰, великого князя Гавриила Константиновича «В Мраморном дворце: из хроники нашей семьи»⁴¹ и князя С. Е. Трубецкого «Минувшее»⁴².

Василий Сильч Кривенко (1854–1928), историк, географ, театральный критик, был заведующим Канцелярией Министерства императорского двора при Александре III и Николае II. В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранятся его заметки «В Министерстве двора», которые выборочно были опубликованы в 1901 г.⁴³ В своих рукописных воспоминаниях он описывал «высочайшие вояжи» двух императоров и траты на них. Он принимал участие в путешествии Николая II в 1896 г. во Францию. В. С. Кривенко пишет свои воспоминания отстраненно, рассказывая только о самых ярких впечатлениях, не вдаваясь в бытовые детали поездки. Его воспоминания — иллюстрация того, как внешне представлялся русско-французский союз во Франции и что потом будет с успехом использовано официальными источниками для создания атмосферы эйфории вокруг «сердечной дружбы» двух наций: «По всему пути следования кортежа гремел русский

народный гимн, волной ходили раскаты: "Vive l'empereur! Vive la Russie! Vive l'alliance franco-russe!" Русская неделя 1896 года во Франции представлялась сплошным карнавалом»⁴⁴. Роль императора казалась как русским, так и французам очень весомой. В. С. Кривенко отмечал, что на смотре армии в Шалоне-на-Марне «президент республики Фор, сидевший рядом с императором в коляске, казался гостем, приглашенным на парад, а в роли действующего хозяина оказался царь»⁴⁵. Эти свидетельства подтверждаются путевыми заметками и воспоминаниями других авторов. А. И. Елишеев (Ал. Букеевский) в своей книге «На празднике Франции. Наброски туриста» 1897 г. описывает ту же картину в тех же словах: «Как сейчас вижу стоявшего рядом со мной мальчугана, который с пресерьезным лицом и уже совершенно осиплым голосом, приподнимался на носках, кричал: "Vive l'Empereur!" А главное это то, что и в этих криках и в своих движениях толпа проявляла для всякого наблюдателя такую искренность, такую неподдельную радость и такое глубокое понимание важности переживаемого момента!»⁴⁶ Воспоминания В. С. Кривенко хотя и написаны близким императорскому двору человеком, дополняют картину отношения французов к русским.

В 1913 г. Францию посетил кн. С. Е. Трубецкой, оставив воспоминания о самых ярких эпизодах своего путешествия. Интересно и уникально его свидетельство о начале глобализации европейской культуры: «Я нигде долго не жил и благодаря этому особенно ясно воспринял гнетущее впечатление от все растущего однообразия и нивелировки общеевропейской цивилизации, постепенно стирающей все многообразные и ценные различия между странами. Вспоминаю по этому случаю такую — конечно случайную, но характерную — подробность, тогда меня поразившую: в гостиницах, где я останавливался — в Берлине, Амстердаме, Антверпене, Париже, в самый день моего приезда, я спускался обедать в залу ресторана каждый раз под звуки все одного и того же модного тогда мотива "Пупсик"... В дополнение к этому, несколько месяцев спустя, я прочел в газетах, что немецкие войска вступили в Брюссель под звуки того же "пупсика"»⁴⁷. В Париже С. Е. Трубецкой осмотрел главные достопримечательности, но в воспоминаниях пишет особо только о Версале, которым он был по-настоящему «захвачен» и «покорен», потому что в нем увидел «предка и прообраз наших русских царских и помещичьих парков»⁴⁸. В своих воспоминаниях кн. С. Е. Трубецкой достаточно пространно судит о французском национальном характере и языке: «французы — наиболее "умный" народ современности... самый умный, но, конечно, не самый мудрый»; «нет языка, который бы так элегантно скользил по самому лезвию бритвы, на грани недопустимого... получается более чем "пикантно"», но отнюдь не грубо и не сально»⁴⁹.

Юрист-консульт Министерства путей сообщения Александр Иванович Стронин (1826–1889 гг.) записывает свои воспоминания «Дневник в прозе» в возрасте 61 года и, в том числе, пишет о своей поездке за границу, во Францию и в Швейцарию, в 1886 г.

Автор описывает Ниццу не через повествование о путешествии и пребывании в городе, а с точки зрения преклонения русских перед западной культурой: «Знаменитость эта (Ницца. — Е. Р.), как и все другие европейские, рано или поздно потребует пересмотра с русской точки зрения, и тогда убедятся у нас, что никаких климатических преимуществ у Ниццы перед Ялтой нет... Мы должны были перенять не только их предрассудки, но и самое невежество их на счет России. И потому если европейский доктор не в силах посоветовать поехать в Ялту, то русский не в силах советовать не ехать в Ниццу»⁵⁰.

Студенты-разночинцы, художники, приезжавшие в Париж на стажировку, будущие революционеры оставили также весьма любопытные свидетельства.

Воспоминания Далмата Александровича Лутохина (1885–1942 гг.) о своей поездке в Западную Европу полны впечатлений о его кратких посещениях Франции в 1897, в 1905 и в 1907 гг. Несмотря на то, что целью поездки в 1905 г. была учеба, автор чувствовал за границей «туристическое отношение к жизни», то есть созерцательное⁵¹. Его воспоминания были написаны в 1935 г., но они полны описаний о его пребывании на Французской Ривьере и в Париже, близких по содержанию к путевым дневниковым заметкам. Впечатления о поездках 1905 и 1907 гг. более пространны — видимо, потому, что в этот раз Лутохин путешествовал один (в первый раз во Францию он ездил с матерью).

Д. А. Лутохин подробно описывает гостиницы и комнаты, где он останавливался в Париже, рестораны, куда ходил обедать и ужинать. Автор часто записывал свои суждения о французском национальном характере. С одной стороны, они отражали свойственные эпохе клишированные представления: «Почти каждый француз, каждая француженка — прирожденные ораторы»⁵². С другой стороны, Лутохин добавляет свое мнение, основанное на его опыте путешествия во Францию, о том, что представители этой нации, употребляя красивые слова, «фразы», редко доходят до дела. Следуя распространенным стереотипам, Лутохин пишет о веселости, демократичности и о развитом чувстве красоты среди французов: «Парижане демократичны и любят похлопать по плечу, щелкнуть в брюшко и самому президенту: перед словом здесь равны все»; «Нигде в мире нет в массах такого чувства к красоте, как у парижан...»⁵³

Такое стереотипное восприятие Франции просматривается и в мемуарах художника М. В. Нестерова, посетившего Европу в 1889 г. Его воспоминания о Париже носят очень отрывочный характер, но в них четко прослеживается влияние уже сложившегося у русских образа столицы Франции, то есть представление о Париже как городе пикантных наслаждений и развлечений. М. В. Нестеров пишет: «Сам Париж, как город, лишь своим средневековым пленял меня; то же, что давал этот Новый Вавилон сейчас, меня мало прельщало. Я не был ни в каких Мулен Руж, и это “лицо Парижа” (или вернее его маска) мне оставалось и в следующие приезды неизвестным, и вовсе не потому, чтобы я хотел быть или казаться целомудренным, — нимало. Просто потому, что “это” всюду одинаково

грязноватое, пошловатое, и не за тем я ехал за границу»⁵⁴. Автор говорит о «лице Парижа», то есть о стереотипном восприятии города извне, но этот образ с кабаре, ночной жизнью и кафе-шантанами развился позже, чем состоялась поездка Нестерова во Францию. В данном случае перед нами пример смешения временных пластов в воспоминаниях о путешествиях.

В текстах, написанных значительно позднее самих поездок во Францию, авторы могли подменять личные впечатления от французской жизни стереотипными образами о ней, принятыми в русском обществе. Воспоминания Н. И. Комаровской о художнике К. Коровине, с которым она путешествовала в 1911 г. в Париж, Виши, Биарриц, Марсель и по Французской Ривьере, были написаны в 1950-е гг. Главной целью автора было дать характеристику К. Коровину как яркому, талантливому художнику посредством рассказа о его пребывании во Франции. В этих воспоминаниях можно выделить несколько нарративных пластов–сюжетов: стереотипные образы французов, рассказы о занятиях Коровина во Франции и свидетельства о его таланте и популярности за границей. Главной темой был Коровин, поэтому описания французской жизни носят второстепенный характер и часто ограничиваются клишированными образами: «шумная, пестрая толпа парижских бульваров», «дружелюбие и жизнерадостность французского народа», «женственность французской женщины»⁵⁵. Париж здесь представлен через описание его музеев и театров и впечатлений Коровина от них: Биарриц — город «великолепных отелей, пляжа, напоминающего по роскоши дамских туалетов бальный зал, нескончаемых верениц автомобилей»; Виллафранка — город «рыбаков, сидящих на берегу среди протянутых для сушки рыбачьих сетей»; Марсель — город-порт «разноязычной толпы»; Виши — город-курорт «с пышными отелями и магазинами»⁵⁶.

Самостоятельную группу записок путешественников составляют эссе журналистов о быте и нравах французов конца XIX – начала XX в. Подобные тексты печатались в прессе и были основаны, во-первых, на собственных путевых заметках авторов об их поездках во Францию, и, во-вторых, на их политических и социально-экономических знаниях об этой стране. Форма и тон таких эссе задавались международным контекстом русско-французских отношений.

Особенности публицистических эссе можно рассмотреть на примере трех сборников статей о жизни во Франции, написанных соответственно В. И. Модестовым в 1880-х гг., П. Л. Ухтомским в 1890-х гг. и Н. М. Лаговым в 1900-х гг. В основе всех трех работ лежали собственные впечатления авторов об их поездках в Париж, но организуют они это изложение с учетом международного контекста развития русско-французских отношений, и посвящают главные страницы своих эссе противопоставлению русского и французского менталитетов, проявление которых они показывают на конкретных примерах повседневной жизни французов.

В. И. Модестов писал свои заметки в контексте создания русско-французского альянса, поэтому их лейтмотивом было обоснование общей заинтересованности в этом союзе той и другой стороны. Свои статьи «В защиту Франции», «Россия и Франция», «Французский панславизм», «Из заграничных воспоминаний» и другие он объединяет в книге «О Франции», вышедшей в 1889 г. Его видение отношений между двумя нациями предвзято: в духе своего времени и официальных статей о создании русско-французского союза автор пишет о том, что во Франции «началось усиленное изучение России, обогатившее французскую литературу прекрасными сочинениями о нашей стране, исследованиями о нашей жизни почти во всех направлениях»⁵⁷, в то время как в России стремление узнать ближе Францию всегда было, хотя русские имеют только внешние представления об этой стране: «Что русские любят Францию, это бесспорно. Что русские знают Францию, это еще вопрос... Знатоки Франции в том или ином отношении являются в нашей публике каплей в море. Масса же любителей и ценителей этой великой страны, не исключая даже тех, которые время от времени ездят за границу и бывают в Париже, сколько-нибудь основательно знает лишь несколько парижских кафе и ресторанов, да несколько заведений более или менее увеселительного характера»⁵⁸.

В своих эссе о быте и нравах французов автор всегда сначала выдвигает некую готовую идею, основанную на его собственном впечатлении об этой нации, а уже потом подводит под эту идею теоретическое обоснование, основанное не только на его личных наблюдениях, но и исходя из контекста развития международных отношений. В отличие от воспоминаний и путевых заметок, в которых авторы ограничиваются констатацией того или иного явления повседневной жизни французов, в эссе автор описывает проблему и предлагает ее объяснение читателю. Так, если в путевых заметках авторы часто просто описывают веселый характер французского народа, противопоставляя его русской печали, то В. И. Модестов пытается в своих статьях объяснить происхождение последней: «[иностранцы] объясняли такое настроение нашего народного духа отчасти северным климатом, но больше всего — нашей историей, которая была чересчур неблагоприятна к русскому народу в продолжении многих столетий, постоянно ставя его в самые тяжелые условия национального и государственного существования»⁵⁹.

Еще одна характерная особенность русского эссе о французах данной эпохи — это стремление понять и отразить в текстах статей элементы французского и русского национального духа, характера, самоидентификации. В противоположность путевым заметкам, где авторы пишут скорее о бытовых, материальных вещах, описывают свои впечатления о конкретных достопримечательностях и людях, в эссе авторы склонны к обобщениям на основе этих впечатлений и к заключениям о «французском» и «русском» характере вообще.

В конце 1890-х гг., когда в русско-французских отношениях намечалось охлаждение, П. Л. Ухтомский пишет свои «Путевые заметки о Франции». Несмотря на название, по

форме авторский текст представляет собой эссе о французском образе жизни в Париже. В начале текста автор выдвигает идею, которую далее он подтверждает примерами из жизни французов, с целью дать определение народного духа, поняв который, полагает автор, можно понять особенности материального развития страны.

П. Л. Ухтомский, как и упомянутые выше авторы воспоминаний и путевых заметок, также ассоциирует Францию и Париж с модой, театрами, отношением к женщине, атеизмом, но описывает их через призму «основ» французского характера: честности; веры в гражданские, а не религиозные идеалы; веры в прогресс; бережливости; развитого чувства собственного достоинства; стремления к славе; уважения к порядку. П. Л. Ухтомский уточняет, что все эти основы проистекают из «строения общества и степени его культуры в широком смысле этого слова»⁶⁰, то есть на основании своих наблюдений французского общества, автор выстраивает и интерпретирует ряд его «духовных основ», которые, в конечном счете, будут распространяться в обществе в виде заранее заданных прессой представлений об особенностях французской жизни. Следовательно, эссе о быте и нравах — источник стереотипного знания русских о французах, и по эволюции образов и идей в эссе можно судить об эволюции этого стереотипного знания. Этот тезис можно проиллюстрировать на примере суждений П. Л. Ухтомского об особенностях французского брака: «Брак или упраздняется ради экономии, или обращается в торговую сделку, коммерческий расчет таксирует количество детей в семье»⁶¹. Перед тем как сделать это заключение, П. Л. Ухтомский сначала констатирует, что во Франции недвижимость всегда стоит очень дорого, и поясняет, что каждый француз мечтает купить себе на старости лет какую-нибудь недвижимость, чтобы ее сдавать. Далее автор говорит об упадке религиозного начала во французском обществе, чем объясняет высокую роль, которую играют в нем деньги. И эти все размышления дают ему основания наконец заключить, что стремление к накоплению сбережений — это главная отличительная хозяйственная черта французского народа, и поэтому в контексте постоянной экономии денег во Франции происходит трансформация института брака. Эти представления о французском обществе в России будут усвоены: французов с конца XIX в. русские считают «скупыми», «скаредными», «жадными», а французское общество — «буржуазным», «безыдейным». Так зарождалось стереотипное знание о французах.

Если в записках П. Л. Ухтомского уже проскальзывает критическое отношение к образу жизни французской нации, то в книге Н. М. Лагова «Что такое Франция. Очерки современности» (1910 г.), в контексте кризиса русско-французских отношений в связи с политическими событиями на Балканах, эта критика прослеживается на всех страницах издания. Н. М. Лагов много путешествовал по Франции, жил там четыре года, издал несколько путеводителей по этой стране, и поэтому решил опубликовать и сборник своих эссе о французском быте и нравах. Он хотел не столько дать ряд стереотипных популярных пред-

ставлений о стране, но скорее разрушить подобные представления. Тем не менее, книга, разрушая одни стереотипы, предлагает их заменить другими. Автор описывает и иллюстрирует на основе собственных наблюдений следующие черты французского общества первого десятилетия XX в.: бережливость, мошенничество, мелочность, бюрократия, неравенство, постоянный комплекс перед Германией, недоверие и отсутствие интереса к иностранцам, неприятие нового, рутина в повседневной жизни, атеизм, продажность политиков и прессы, жажда сенсаций, подбострастие перед властью имущими и богатыми.

Н. М. Лагов отдельно пишет об отношении французов к русским: «Русские, приезжая во Францию, думают, что французы откроют им свои объятия, как только услышат, что они русские. На самом деле, француз, как тип, т. е. огромное большинство, на тему о России непременно выражается: Je m'en fiche pas mal de votre sale pays. По-русски: “Наплевать мне на вас”. “Sale pays”, то есть “дрянь страна” — это ходовое во Франции определение России»⁶². Автор подчеркивает, что Россия интересует французов только с точки зрения ее союзнических обязательств защитить Францию в случае войны с Германией и ее финансовых обязательств выплачивать вовремя проценты с русских государственных займов во Франции. Эссе Н. М. Лагова — это источник по истории повседневной жизни во Франции, который нужно рассматривать как факт своего времени, то есть в контексте осложнения отношений между Россией и Францией. При этом очерки автора остаются одним из типов записок путешественника — эссе, написанном на основе путевых заметок.

Записки путешественников в разных формах свидетельствуют не только о бытовой стороне поездок во Францию, но и о духовной жизни французов и русских на рубеже XIX–XX вв. По этой причине они являются важным источником по истории русско-французских отношений.

¹ Nos Russes // La vie franco-russe. 1888. 18 février.

² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 806 (Николай Федорович Фан-дер-Флит). Д. 89. Л. 36 об.

³ Там же. Л. 37 об.

⁴ Там же. Л. 40.

⁵ Духовская В. Туркестанские воспоминания. СПб., 1913. С. 84.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 95.

⁸ Там же. С. 90.

⁹ Дьянова Е. Дневник русской женщины. Париж, 1900–1902. СПб., 1905. Т. 3.

¹⁰ Там же. С. 68.

¹¹ Там же. С. 75.

- ¹² Там же. С. 31.
- ¹³ ОР РНБ. Ф. 23 (Андрей Дмитриевич Топоров). Д. 567. Л. 1.
- ¹⁴ Там же. Л. 2.
- ¹⁵ Там же. Ф. 27 (Николай Павлович Анциферов). Д. 49, 57. 1940-е гг.
- ¹⁶ Там же. Ф. 163 (И. А., И. И. Второвы; О. В. Синакевич). Д. 345, 345 а. 1914 г.
- ¹⁷ Там же. Ф. 27 (Николай Павлович Анциферов). Д. 49. Л. 3.
- ¹⁸ Там же. Л. 43.
- ¹⁹ *Знаменский А. И.* Записки туриста. Париж; Рим; Минск, 1904. С. 17.
- ²⁰ Там же. С. 21–22.
- ²¹ ОР РНБ. Ф. 27 (Николай Павлович Анциферов). Д. 49. Л. 13.
- ²² *Знаменский А. И.* Записки туриста. С. 37, 38.
- ²³ ОР РНБ. Ф. 27 (Николай Павлович Анциферов). Д. 49. Л. 13.
- ²⁴ Там же. Ф. 163 (И. А., И. И. Второвы; О. В. Синакевич). Д. 345, 345 а. Л. 36 об.
- ²⁵ Там же. Л. 47 об., 48.
- ²⁶ Там же. Л. 55 об.
- ²⁷ *Знаменский А. И.* Записки туриста. С. 67.
- ²⁸ Там же. С. 23, 37.
- ²⁹ Там же. С. 55.
- ³⁰ ОР РНБ. Ф. 163 (И. А., И. И. Второвы; О. В. Синакевич). Д. 345, 345 а. Л. 44 об.
- ³¹ Там же. Ф. 27 (Николай Павлович Анциферов). Д. 49. Л. 19.
- ³² *Знаменский А. И.* Записки туриста. С. 31, 40.
- ³³ Там же. С. 51.
- ³⁴ ОР РНБ. Ф. 27 (Николай Павлович Анциферов). Д. 49. Л. 19. Л. 35.
- ³⁵ Там же. Л. 21.
- ³⁶ Там же. Ф. 163 (И. А., И. И. Второвы; О. В. Синакевич). Д. 345, 345а. Л. 41, 41 об.
- ³⁷ Там же. Ф. 27 (Николай Павлович Анциферов). Д. 49. Л. 19. Л. 38.
- ³⁸ Там же. Л. 11.
- ³⁹ Заграничная поездка. Киев, 1892. С. 13.
- ⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 1000 (Василий Силыч Кривенко). Оп. 2. Д. 672.
- ⁴¹ *Романов Г. К.* В Мраморном дворце: из хроники нашей семьи. Нью-Йорк, 1955.
- ⁴² *Трубецкой С. Е.* Минувшее. Париж, 1989.
- ⁴³ *Кривенко В. С.* Россия. Министерство императорского двора и уделов. Обзор деятельности Министерства императорского двора и уделов за время царствования в бозе почившего государя императора Александра III (1881–1894 гг.). Ч. 1. СПб., 1901.
- ⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 1000 (Василий Силыч Кривенко). Оп. 2. Д. 672. Л. 224.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ *Елишев А. И. (Бунеевский Ал.)* На празднике Франции. Наброски туриста. М., 1897. С. 30.
- ⁴⁷ *Трубецкой С. Е.* Минувшее. С. 74.
- ⁴⁸ Там же. С. 75.
- ⁴⁹ Там же. С. 77.
- ⁵⁰ ОР РНБ. Ф. 752 (Александр Иванович Стронин). Д. 10. Л. 797.
- ⁵¹ Там же. Ф. 445 (Далмат Александрович Лутохин). Д. 6. Л. 49.
- ⁵² Там же. Л. 90, 147.

- ⁵³ Там же. Л. 96, 97.
⁵⁴ *Нестеров М. В.* Давние дни. Встречи и воспоминания. М., 1959. С. 201.
⁵⁵ *Комаровская Н. И.* О Константине Коровине. Л., 1961. С. 79, 85.
⁵⁶ Там же. С. 75–90.
⁵⁷ *Модестов В. И.* Французский панславизм // О Франции. СПб., 1889. С. 266.
⁵⁸ *Модестов В. И.* В защиту Франции // Там же. С. 307, 308.
⁵⁹ *Модестов В. И.* Грустная нота во французской литературе // Там же. С. 44, 45.
⁶⁰ *Ухтомский П. Л.* Путевые заметки о Франции. Казань, 1901. С. 3.
⁶¹ Там же. С. 9.
⁶² *Лагов Н. М.* Что такое Франция. Очерки современности. СПб., 1910. С. 115, 116.

УДК 94(47).083 + 94(44).08

Развозжаева Е. В. Франция в дневниках и заметках русских путешественников конца XIX – начала XX вв. // Новейшая история России. 2016. № 1 (15). С. 164–182.

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена истории поездок русских путешественников во Францию в период с конца XIX в. до начала Первой мировой войны, когда Франция становится наиболее популярной для русских туристов страной. Основными источниками стали путевые заметки, дневники и воспоминания, оставленные посетившими Францию русскими людьми, выходцами из различных социальных слоев. Значительная часть этих текстов не была опубликована ранее. Знакомство с ними позволяет составить представление о самых различных сторонах поездки в Европу в начале XX в., в том числе о развитии железнодорожного транспорта, материальных затратах, туристических услугах во Франции, театрах, музеях, магазинах и других объектах, привлекавших внимание русских туристов, а также о повседневной жизни парижан. Наибольший интерес представляют суждения русских о национальном характере французов, их поведении, традициях и культуре, сопоставление двух менталитетов. В этих текстах прослеживается не только уже сложившееся стереотипное восприятие русскими путешественниками Франции, но и процесс утверждения в их сознании этих стереотипных представлений. Записки путешественников в разных своих формах свидетельствуют не только о бытовой стороне поездок во Францию, но и о духовной жизни французов и русских на рубеже XIX–XX вв., являясь значимым источником по истории франко-русских отношений данного времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Франция, Париж, русские путешественники, воспоминания, дневники, менталитет.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: кандидат исторических наук, корреспондент газеты «Невское время» (Париж, Франция); elena.v.razvozhayeva@gmail.com

Razvozhayeva E. V. France in the Diaries and Notes of Russian Travelers from the Late 19th – Early 20th.

ABSTRACT: The article describes the history of Russian tourism in France since the end of 19th century until the First World War, the period when France was the most popular destination of Russian tourism. The research is based on travel notes, diaries and

memories left by the Russian visitors to France and gives us an idea of the various aspects of a Russian trip to Europe in the early 20th century. Its most part has not been published before. The Russian travelers came from the different social strata of the Russian Empire and reported in their notes about the transport conditions, material costs, theaters, museums, shops and other popular tourist facilities, as well as about the daily life of Parisians. Russian travelers often described the French mentality, French behavior, traditions and culture and compare them to Russian mentality and lifestyle. The historical sources reflect established stereotype perception of France by Russian travelers and testify the stereotype creation process in their minds. Travelers' notes record in different forms the trip conditions to France and leave us a cross-cultural picture of the French and Russian spiritual life at the turn of 19th and 20th centuries, and represent a significant source for the history of Franco-Russian alliance.

KEYWORDS: France, Paris, Russian travelers, memories, diaries, mentality.

AUTHOR: Candidate of History, correspondent of "Nevskoe vremia" newspaper (Paris, France) (Париж, Франция); elena.v.ravozzhaeva@gmail.com

REFERENCES:

- ¹ 'Nos Russes', *La vie franco-russe*, 1888, 18 Février.
- ² Dukhovskaya V. *Turkestanskije vospominanija* (St. Petersburg, 1913).
- ³ Dyakova E. *Dnevnik russkoj zhenshhiny. Parizh, 1900–1902* (St. Petersburg, 1905).
- ⁴ Znamenskiy A. I. *Zapiski turista. Parizh; Rim* (Minsk, 1904).
- ⁵ Romanov G. K. *V Mramornom dvorce: iz hroniki nashej sem'i* (New-York, 1955).
- ⁶ Trubezkoy S. E. *Minushee* (Paris, 1989).
- ⁷ Krivenko V. S. *Rossija. Ministerstvo imperatorskogo dvora i udelov. Obzor dejatel'nosti Ministerstva imperatorskogo dvora i udelov za vremja carstvovanija v boze pochivshogo gosudarja imperatora Aleksandra III (1881–1894 gg.)*. Part 1 (St. Petersburg, 1901).
- ⁸ Elishev A. I. (Bukeevskiy Al.). *Na prazdnike Francii. Nabroski turista* (Moscow, 1897).
- ⁹ Nesterov M. V. *Davnie dni. Vstrechi i vospominanija* (Moscow, 1959).
- ¹⁰ Komarovskaya N. I. *O Konstantine Korovine* (Leningrad, 1961).
- ¹¹ Modestov V. I. 'Francuzskij panslavizm' in *O Franczii* (St. Petersburg, 1889).
- ¹² Modestov V. I. 'V zashhitu Franczii' in *O Franczii* (St. Petersburg, 1889).
- ¹³ Modestov V. I. 'Grustnaja nota vo francuzskoj literature' in *O Franczii* (St. Petersburg, 1889).
- ¹⁴ Ukhptomskiy P. L. *Putevye zametki o Franczii* (Kazan, 1901).
- ¹⁵ Lagov N. M. *Chto takoe Francija. Ocherki sovremennosti* (St. Petersburg, 1910).